

ОКНО В КАРЕЛИЮ

Александр ИНЯХИН

От других театральных сообществ Петрозаводска Молодежный театр "Творческая мастерская" отличается особой сосредоточенностью на смысле творимого на подмостках. Студийный дух питается здесь художественной устойчивостью, а не остервенелым радикализмом. Возможно, помогает уникальная природная среда столицы Карелии — обилие воды и зелени, ее реки, пруды и озера, сам воздух города, влажный и умиротворяющий, почти целебный.

От греха оберегает и камерность обстановки: крохотные, но уютные сцена и зал, куда надо подниматься по узкой и крутой лестнице, как в какую-нибудь тайную лабораторию, делают атмосферу общения разумно-интимной, будто сошлись давно знакомые люди, чтобы доверительно поговорить о насущном.

Начавшись двенадцать лет назад с "Глахи" по Ч.Айтматову (в роли Волчицы — гордость Карелии Людмила Живых), театр, руководимый авторитетным режиссером и педагогом Иваном Петровым, с первых сезонов не был чужд лирическому вниманию к духовной сущности человека. Здесь вчитываются в авторский текст и эмоционально проживают его идейное содержание. Все это, вместе взятое, так хорошо забыто, что кажется обескураживающей новизной.

Завезшего москвича-театрала в названии "Творческая мастерская" привлекает созвучие со знаменитыми "Театральными мастерскими", что возникли когда-то на сцене ДК имени Зуева в Москве, но канули в Лету по причинам, которые нет смысла комментировать. По счастью, именно в Петрозаводске благая художественная идея обрела жизнь во всех смыслах новую: молодежный театр "Творческая мастерская" заявил себя как филиал московского очага экспериментаторской мысли, хотя ныне ведет жизнь вполне суверенную.

Экспериментом кажется уже то, как в репертуаре сочетаются названия. Здесь Чехов становится предтечей Аверченко, а Гоголь, разумеется, чреват Булгаковым. Здесь изысканная ирония "Замка в Швеции" Ф.Саган в "обратной перспективе" отражает психоаналитический этюд М.Нормана "Спокойной ночи, мама!"

В "Трех сестрах" (постановка Ивана Петрова, сценография Сергея Терентьева) персонажи живут среди безлиственного леса, куда "грачи не прилетали". Атмосфера грусти и безнадежности усиливается тем, что вой подаренного Ирине на именины волчка кажется пострашнее звука лопнувшей струны. Тепло жизни отсюда улетучивается быстро. На пожаре вместо стен — ширмы посреди все того же леса без птиц. А еще раньше, в день именин Ирины, Андрей (Александр Овчинников) делает предложение Наташе (Галина Дарешкина) упрямо-публично, на что обескураженные гости и родственники реагируют с безмолвной горечью в глазах.

"Три сестры" в Петрозаводске — "поэма мужского безволия". "Они уходят от нас!", — сокрушаются сестры. А что ОНИ принесли? Вершинин (Валерий Чебурканов) — уныло честное следование долгу. Соленьий (Владимир Мойковский) — комплекс полноценности. Чебутыкин (Александр Лисицын) — объективизм медработника, помноженный на армейский скепсис. Андрей своей выходкой вначале пытается бороться с природной вялой рефлексией, прекрасно понимая всю безнадежность своего положения. Пожалуй, лишь у Тузенбаха (Дмитрий Максимов) есть право на упрек, но ему хватает благородства не устраивать сцену перед дуэлью. Другие же почти по-женски готовы выяснять отношения. Тот же доктор, сообщая, что у Наташи романчик с Протопоповым, прежде всего упрекает Вершинина за связь с Машей, а сам явно влюблен в Ирину, но выражает это как-то по-медвежьи, пугая девушку не меньше, чем Соленьий. А что взять с Федотика (Юрий Николаев), изысканного, как игрушечка, но столь инфантильного, что даже пожару радуется.

Так или иначе, общение с военными, привычное сестрам с детства, оборачивается бесплодным обольщением. Да и сами они ищут компромисса. Когда Ольга (Светлана Кяхяр) уговаривает Ирину (Наталья Мирошник) выходить за барона, становится ясно, как и почему старшая сестра уговаривала Машу (Виктория Федорова) идти за Кулыгина. Но все-таки к финалу в душу вселяется нежность к этим людям, чья тоска по труду равна неумению жить.

Аркадий Аверченко тоже писал про инфантильных мужчин, живущих вегетативной, растительной жизнью. Герои повести "Подходцев и двое других", инсценированной и поставленной Андреем Тупиковым, живут как "летние люди", подобно персонажам "Сказки о потерянном времени" Шварца, у которых "физика" почти сорокалетних

приходит в противоречие с психикой то ли эльфов, то ли клоунов.

На сцене стоит апельсинового цвета роуль с четырьмя клавиатурами и тремя крышками-крыльями, расписанный в духе дадаизма. Для героев он "и стол, и дом", трансформер бытового среды (художник Сергей Терентьев). Порхая в пестрых фраках над роулем, эти люди всего лишь таперы своей судьбы, уроков которой воспринять неспособны. Нечто опасно-безответственное за всем этим видится. Недаром спектакль назван весьма скептически: "Странные игры для взрослых детей". Три "стрекозла" (Подходцев — Валерий Чебурканов, Громов — Александр Лисицын, Климов — Геннадий Залогин) взянут в карамельном сиропе той жизни, что выдумали, а она, поманив их радугой мыльного пузыря, разлетелась брызгами и искрами. Водевильное порхание приводит в тупик одиночества. Опереточные страхи ("Она там женится на мне!", — вопит лопухий Громов) оборачиваются жутковатой конкретикой: близится старость, мерещится смерть. Да и окружение героев ирреально: тринадцать других мужских ролей виртуозно сыграны всего двумя артистами — Валерием Баулиным и Владимиром Мойковским. Все эти доктора, приказчики, извозчики и воинственные родственники любимых женщин явлены ими с озорством лицедеев и язвительной зоркостью карикатуристов.

Совсем по иным причинам — от скуки — театрализуется свою жизнь герой ироничной комедии Ф.Саган "Замок в Швеции", ее поставила Людмила Живых. Знаменитая актриса обратилась к жанру черной комедии, где тонкие чувства и словесные кружева любимого актерами салонного стиля тоже придают атмосфере действия пряный аромат и радужный туман. И неважно, что сюжет строится на крови — кто-то кого-то на себе периодически женит или убивает, заманивая в старинный замок, обитатели которого живут по протоколу XVIII века.

Получилась ироничная игра в жизнь, дви-

жущая сила ее — вялое любопытство. А еще это намек на актерскую "тоску по лучшей жизни" — по шикарным ролям в пьесах Скриба, Уайльда, Моза, Мольнара.

Куда серьезнее работа замечательных актрис, Людмилы Живых и Елены Бычковой в драме "Спокойной ночи, мама!". Все начинается с образа жизненной усталости: сцена обрамлена узкими холщовыми полотнищами, безвольно ниспадающими на планшетах. Придумав такую игровую среду, режиссер Иван Петров поставил "триллер для усталых людей". Две одинокие женщины, мать и дочь, внезапно оказываются наедине с последней правдой.

Природа эгоизма определяется природой одиночества. Эта горькая идея развита постановщиком со всеми преимуществами русской психологической школы, и она американскую пьесу только украшает. Интуиция актрис на эту задачу откликается радостно. Получилась дуэль темпераментов: взрывное буйство растерянной старухи и вязкое упрямство стареющей дочери, готовой отринуть жизнь. И обе добиваются потрясающей плотности зрительского внимания и неизбывного сочувствия.

Герои "Женитьбы" режиссером Андреем Тупиковым и художником Аркадием Морозовым ради того же сочувствия приближены к зрителям. Прямо в зале, на месте первых трех рядов стоит одна на Агафью Тихоновну (Людмила Баулина) и на Подколесина (Владимир Мойковский) кровать. Кроме того, Подколесину даровано опасное сходство с Пушкиным, а истории — всероссийский масштаб (на дальней стене виднеется пейзаж с обложки учебника "Родная речь").

Вечный жених, как Хлестаков, который однажды почувствовал себя "нашим всем", тоже обретается среди людей с изъязном. Бесовщина и дьявольщина вселилась здесь не только в Кочкарева (Валерий Чебурканов), похожего на пушкинского Командора (однажды он в позе памятника жмет руку Подколесину, а тот, стоя на коленях, вопит от боли и ужаса).

По-новому выстроено поведение Феклы Ивановны. Она не сваха, а ведьма. Экцентричная Светлана Кяхяр играет монструозное существо неведомой природы и фантастической наглости. Это она гоголевскими "апартами" внушает Подколесину мысль, что, мол, из окна выпрыгнуть дело простое. А когда он из кровати перешагивает через окно, то попадает... в ту же кровать, на которой той же свахой уготовано ему вечное успокоение.

Комедия напоминает бег на месте: суеты много, а с места ничего не сдвинулось и сдвинуться не могло. Парад женихов тоже привычен: для Анушкина (Дмитрий Максимов), подобного маринованному нарциссу, для простодушного Жевакина (Александр Лисицын), способного на скую мужскую слезу, для Яичницы (Геннадий Залогин) с его привычкой начинать поиск подруги жизни с описи ее имущества, — для всех смирны — форма клубного общения, чтобы быть при деле. Один лишь Степан — Валерий Баулин несет свой крест преданно, безропотно, даже азартно. И преданность его собачья, но не рабская. Он один тут фигура лирическая.

В "Зойкиной квартире" лирики меньше, чем ожидаешь. Зоя Денисовна (Людмила Баулина), кажется, не очень-то любит Обольянинова (Валерий Чебурканов) — куда больше хочет стать графиней. Ее природный скепсис, пронизательность и цинизм, особый талант презирать людей — все помогает управлять людьми. В азарте распада и вырождения Зойка как рыба в воде. Ей и арест не страшен — она бессмертна. В нелепом судорожном маскараде финала перед нами пушкинская старая графиня, которая сама всех похоронит.

Режиссер Андрей Тупиков и сценограф Сергей Терентьев на сей раз увлечены игрой с культурным пространством эпохи. "Белый кабинет" сцены они насыщают элементами конструктивизма, что вполне уместно в безымянном, казенном месте, каким прикидывается поначалу ателье. Тут есть и подиум для моделей и манекены (на слезающей иглы Обольянинов сам давно живет манекенными ритмами, вовсе не впадая в реальность, из которой выпал однажды и навсегда).

Бывшие люди отсюда пытаются вырваться, а новые этот мир азартно осваивают. Результаты одинаково бесплодны и бесплодны.

Алла Вадимовна (Светлана Кяхяр), самовлюбленная, жадная и цепкая, извивается, как змея: деньги принесла, но долг отдавать не хочет. Аппетитная пейзажка Машушка (Галина Дарешкина) предается эротическим играм с китайцами как дурочка на ярмарке. Сами китайцы, упоенно сыгранные Валерием Баулиным и Дмитрием Максимовым, притягательны восточным коварством в духе сказок Карло Гоцци и наглым бесстрашием уголовников с претензиями. Стукач и соглядатай Аллилуя (Александр Лисицын) — не просто человек с портфелем, а еще и начинающий нарцисс.

На таком сочном фоне Аметистов в концертном исполнении Геннадия Залогина личность почти гармоничная. Он, если и уголовник, то совсем слегка. Обаяния в нем — пруд пруди. В бирюзовых глазах молодецкая застенчивость. Он излучает радость бытия, но обстоятельствами и людьми умеет управлять так изящно и чарующе-нахально, что жертва в силки сама рвется с плохо скрываемым восторгом. Тем более, что каждая фраза в его устах кладется остроумия и житейской мудрости, полезной именно в данную историческую минуту.

Даже став менеджером "веселого дома", он остается художником своего дела. Аметистов театрализуется загул в ателье как "последопуденный отдых фавна", а к финалу эта "дьявольщина" плавно превращается в ритуальное "поедание Гуся". Героя Владимира Мойковского, влюбленного в Аллу Вадимовну, но убитого без особой надобности китайцем, бросают на стол, заваленный цветами и фруктами, как в знаменитом фильме Гринауэя "Повар, вор, его жена и ее любовник". Круг замыкается — в Париж бежать не надо.

В благословенном городе Петрозаводске жить тоже, кажется, совсем не скучно. Напротив, есть много поводов для вдохновения и творчества. Тем более, что и то, и другое Молодежному театру по силам.

● Сцена из спектакля «Три сестры»

● Сцена из спектакля «Зойкина квартира»

Алла Вадимовна — Светлана Кяхяр,
Зоя Денисовна — Людмила Баулина

Журавль и сцена

Карелия
 Петрозаводск
 М. театр "Творческая мастерская"